

ТРОИЦКИЙ ВЕЩЕСТНИК

Приходской листок

Троицкого архиерейского собора г. Сумы

№16 (от 19 октября 2014 года)

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ**

Научитесь быть. Духовные вопросы пожилого возраста

... Другой трудный момент в старении – это то, что многое становится недоступным. В особенности нелегко осознавать, что перестаешь влиять на события. Но есть две разных состояния – пассивность и созерцательность. Чаще всего пожилой человек со страхом готовится к тому, что, как только он перестанет влиять на события, ему придется жить пассивно и принимать удары судьбы. Вместо этого он мог бы научиться созерцательности, т.е. способности спокойно вглядываться в события не спеша, со всем жизненным опытом, со всем бесстрашием (которое дается, если не бросаешься действовать сломя голову) и только после этого произносить слово, которое зазвучит из глубины покоя или, если хотите, из глубины внутреннего молчания и которое будет словом истины, потому что выразит то, что находится в сердцевине молчания, за пределами слов.

Но есть вещи, на которые человек не способен независимо от возраста, ведь не только старики не справляются с тем или другим делом. Поэтому каждому пожилому или стареющему человеку нужно сесть и поразмыслить: «На что я способен?» не в смысле кипучей деятельности, потому что, как правило, она представляет собой весьма печальное зрелище, а в смысле пределов моих способностей, моего физического состояния, моего зрения, слуха, понимания. Порой по-

жилому человеку можно помочь открыть в себе нечто очень важное: кем он является, даже если он не способен делать то, с чем он или она отлично справлялись в прошлом.

Я вам приведу пример. Моя бабушка умерла, когда ей было девяносто пять лет. Задолго до девяносто пяти, ей уже было не сорок и не пятьдесят, и она не могла делать то, что ей замечательно удавалось, когда она была моложе. Однажды она настояла на том, чтобы помыть посуду после обеда. Было слышно, как она мыла, но под конец раздался ужасный грохот. Она вошла в мою комнату и сказала: «Я разбила всю посуду. Я ее чисто вымыла, а потом столкнула локтем на пол, и от нее ничего не осталось. Почему Бог позволяет мне жить, когда я уже ни на что не гожусь, даже мыть посуду?»

Я ей говорю: «Могу назвать две причины». Она навестила уши, потому что две – это много. «Во-первых, на небесах полно старушек. Думаешь, Бог может Себе позволить заполучить еще одну?» Она обиделась и сказала: «Ты все шутишь, а я говорю серьезно». Я сказал: «Да, но есть и вторая причина. Есть нечто, чего с момента сотворения мира до Страшного Суда и после ни одна Божия тварь, за исключением тебя, не сумела сделать». Она посмотрела на меня с интересом и спросила: «Что это?» Я ответил: «С сотворения мира и до того момента, как перед нами распахнется вечность, никто, кро-

ме тебя, не сумел быть моей бабушкой».

«Быть моей бабушкой» не означает просто произвести мою маму, чтобы мама, в конечном итоге произвела меня. Быть бабушкой включает в себя всю полноту ситуации, всю полноту отношений. И, знаете, для нее это прозвучало убедительно. Поэтому, если приходится иметь дело с пожилыми людьми, которые считают себя бесполезными, можно сказать: «Нет, есть одна вещь, которую ты можешь делать, как никто другой. Ты – моя мать, моя бабушка, мой друг, ты то-то или то-то», чтобы человек понял: в этом его абсолютная и неизменная, несоменная, вечная ценность, и вы увидите, какой заряд надежды и радости это может дать человеку.

Есть еще один момент, который относится к настоящему: с возрастом мы все больше начинаем зависеть от других людей из-за того, что слабеет зрение, отказывает память, оставляют силы, или из-за того, что серьезно заболеваем. И зачастую пожилые люди говорят: «Почему я никак не умру? Я не хочу быть обузой для окружающих».

И такие слова никогда нельзя оставлять без ответа, потому что это ситуация безнадежности. Если ты уверен, что ты – обуза, для тебя ничего не остается, как покончить с собой или постараться приблизить свою кончину. Но ты никогда не будешь обузой, если – и существует два «если». Первое: если окружающие любят тебя, тогда ты для них не обуза. Ухаживать ласково, заботливо, вдумчиво за тем, кого люди любили всю свою жизнь, – радость и привилегия, и, на самом деле, плата (хотя само по себе слово уродливо), плата за все то, что ты для них сделал. Мать годами заботилась о детях, и теперь их привилегия, и я настаиваю, для детей это – привилегия, заботиться о матери. Но не безусловно. И здесь – второе «если».

Если ты стал зависеть от ласки, любви и преданности твоего окружения, твоя задача – сделать ситуацию простой и легкой. Нужно научиться принимать с благодарностью то, что тебе дается, и превратить взаимоотношения с окружающими в праздник, а не в наказание для себя и для них. И знаете, научиться принимать великодушно, благодар-

но, радостно – искусство, которым не каждый владеет. Даже в периоды короткой болезни люди не всегда на это способны, а когда впереди долгая старость, этому нужно учиться и учиться, не откладывая. Необходимо напоминать себе, что мы тоже можем оказаться объектом заботы, и это может стать опустошающим или, наоборот, чрезвычайно плодотворным опытом. В одном псалме говорится: *«Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?»* И ответ: *«Чащу спасения приму и имя Господне призову»* (Пс.115:3-4).

Принимать дар радостно, с открытым сердцем, с сияющими глазами, отвечая лаской на ласку – не только лучший, но единственный способ сделать так, чтобы давать было легко и возможно. И наоборот, если принимать со стесненным сердцем, всем видом показывая: ни за что от тебя ничего бы не принял; не будь я жертвой ревматизма, болезни или старости, я бы от тебя не зависел; какое несчастье, как мне жаль тебя, а еще больше жаль себя, – то, разумеется, можно превратить отношения любви в нечто полное горечи. Это наука, которой должны овладеть все стареющие люди, но и самих себя мы должны прошколить как можно раньше, потому что все зависит от любви окружающих – дети и взрослые, и семейные, и одинокие, и старые. В любом возрасте нужно учиться принимать с благодарностью, принимать великодушно, принимать так, чтобы для ваших близких давать было бы радостью и новой глубиной отношений.

Есть еще одна сторона, на которой я коротко остановлюсь: пожилой человек время от времени размышляет о своей смерти, и смерть в какие-то моменты представляется ему освобождением, а в какие-то – ужасом. Смерть представляется освобождением, пока еще не нависла над нами. Пока смерть еще далеко, мы можем рассуждать в таких категориях, но, когда она совсем рядом, когда в теле уже ощущается мертвость, может напасть страх. Поэтому чрезвычайно важно начинать вырабатывать в себе здоровое отношение к смерти не тогда, когда мы ее боимся, а значительно раньше, в детстве, в молодости, в зрелом возрасте нужно учиться

смотреть на смерть творчески.

Раньше всего, мне кажется, необходимо понять разницу между процессом умирания и смертью как таковой, потому что многие не боялись бы смерти, если бы не боялись того, что им приходилось наблюдать при умирании близких: слабеющего сердцебиения, затрудненного дыхания, страданий, которые сопровождают некоторые заболевания и т.д. Но это – не смерть, и при современном состоянии медицины не представляет такой проблемы, как раньше.

С. Сондерс, одна из лучших специалистов по уходу за умирающими, говорила мне, что в наше время уже нет причин, по которым больной раком человек должен испытывать страдания или впадать в бессознательное состояние. Имеется достаточно препаратов, которые при умелом использовании позволяют это предотвратить. Поэтому в большинстве случаев людям можно объяснить, что умирание – это не кошмар, как им представляется из увиденного или услышанного в прошлом. С другой стороны, с мыслью о смерти или с надеждой, которую она дает, можно свыкнуться. Но чего никогда нельзя делать, беседуя о смерти со старыми или больными людьми, – это говорить так, будто мы можем к ней подготовить. Невозможно никого подготовить к тому, чего не сам испытал, поэтому весьма неубедительно звучит, когда люди, в особенности молодые священники, говорят умирающему: «О, не волнуйтесь, вы увидите, как это просто, как это прекрасно».

Что же делать? Сделать можно многое, но есть нечто абсолютно основоположное: мы должны готовить человека не к смерти, а к вечной жизни. Только в той мере, в какой человек сейчас, пока он во плоти, переживает опыт вечной жизни, он будет способен взглянуть в лицо физической смерти, разделяющей душу и тело, и взглянуть не только с самообладанием, но с надеждой, как апостол Павел, который мог сказать, что для него умереть означает не сбросить с себя временную жизнь, а облечься в вечность. Духовно поддержать умирающего можно только помогая ему постепенно вращаться в вечность.

Я закончу одним примером, который

произвел на меня чрезвычайно большое впечатление. Когда я был молодым священником, у меня был друг, старше меня, его жизнь сложилась очень трудно. В девятнадцать лет он попал в советский концентрационный лагерь, заболел гангреной, ему ампутировали ногу по бедро и выкинули из лагеря, потому что он стал ни на что негодным. Ему немало пришлось пережить.

В какой-то момент он заболел желтухой, очутился в госпитале, где врачи его обследовали и обнаружили не подлежащую операции опухоль, которая распространилась на печень. Ему ничего не сказали, но сказали мне и его сестре, и я пошел его навестить. Он лежал на койке, сильный, высокий, красивый человек, и сетовал: «Как некстати! Столько дел и вот: я в постели, и мне даже не могут сказать, как долго это продлится!» Я сказал: «Сколько раз Вы мне говорили: как бы хотелось остановить время, чтобы ничего не надо было делать, а только быть. Вы никогда этого не осуществили». Он ответил: «Нет». «Что же, Бог сделал это за Вас. Делать Вы ничего не можете. Научитесь быть».

Он посмотрел на меня и сказал: «Да, действительно, но как? Быть означает как бы пребывать в вечности. Нельзя «просто быть» в пустоте, подвешенным между небом и землей». Я сказал: «Это очень просто. Во-первых, нужно примириться со всем, что произошло в Вашей жизни, с собственной совестью, с окружающими Вас людьми, со всеми обстоятельствами жизни, со всеми словами и поступками и с Богом. Давайте займемся этим. Подумайте о своем непосредственном окружении: о родственниках, друзьях, знакомых – и поставьте перед собой вопрос: примирился ли я с каждым из них? Если нет – ищите примирения». Он сказал: «Да, но некоторых уже нет в живых». И я ему привел пример, который приводил вам, пример человека, застрелившего свою возлюбленную. Так мы перебрали все его окружение. Это была борьба, это было непросто, но у него в сердце водворился мир, и мы продолжали двигаться дальше, вскрывая слой за слоем.

Один русский святой говорил, что производить суд своей совести – все равно как лу-

ковицу чистить: вначале снимаешь сухую шкурку, она отваливается без труда, потом начинаешь снимать слои, в которых сохранился сок, и тогда льешь слезы и плачешь, плачешь, пока не дойдешь до самой сердцевины и не обнаружишь, что она сладка.

Этим мы и занимались. Мы занимались этим три месяца, в течение которых он постепенно угасал. И когда он уже умирал, недели за две до смерти, когда от него уже ничего не оставалось, кроме больших сияющих глаз, слишком слабый, чтобы держать ложку, он мне сказал: «Знаете, мое тело почти умерло, но я никогда не ощущал себя таким интенсивно живым, как сейчас». И поскольку он об-

«...Духовной инфантильности и самоуничтожению, ложно выдаваемыми за смирение, способствует и «разрыв» в современном понимании святости. Первые христиане: все друг для друга «святые братья». Понятно, что верующие во Христа и 2000 лет назад не были безгрешными. Апостол Иаков писал: «*все мы много согрешаем*» (Иак.3:2), не отделяя себя от тех, кто «согрешает много». Осознание своего несовершенства не мешало первым христианам называть друг друга святыми и стремиться жить свято, соответствуя тому дару, который получили и получают от Господа Иисуса.

С течением веков развитие почитания святых и всего, чем «обрастал» это почитание (особенно появление житий святых как словесных «икон», далеких от реальности) привело к иному отношению к святости. Хоть святые и не безгрешны (порой далеко не безгрешны), но это святые, а мы кто? Хотя во время литургии на дискосе, где вынутые из просфор частицы представляют собой образ всей Церкви во главе со Христом, частицы в память святых лежат рядом с теми, что представляют живых и усопших христиан, в практической жизни дело обстоит иначе. Между святыми и просто верующими положена великая пропасть. И возникают, например, аргументы такого рода: Кирилл и Мефодий, переводившие богослужение для славян, были святыми, а сейчас переводить нельзя, потому что нет современных Кириллов и Мефодиев. Но кто из святых при жизни считал себя подлежащим канонизации? Не лучше ли современным христианам стремиться к святости, а не оправдывать не-святостью свою бездея-

наружил, что жизнь зависит не от физического состояния, а от цельности, которую приобрел, от жизни преизбыточествующей, в которую погрузился, он смог взглянуть в лицо смерти так, как не смог бы взглянуть, если бы предстал перед ней со всем грузом своего прошлого, со всей горечью, болью, неудовлетворенностью и отчуждением.

На этом я закончу свою беседу, которая и так оказалась слишком длинной.

Митрополит Антоний Сурожский

(Окончание.

Начало – в предыдущем номере)

тельность? Ведь эпоха святых в Церкви не прекращается, и мы все еще продолжаем жить в эпоху Отцов.

Но как быть с тем, что мы ведь и вправду грешим? Как по-настоящему преодолевать грех, настоящий, а не надуманный? Как избавиться от комплекса постоянной вины, которую внушает нам вся система церковного фарисейства? Как обрести подлинного себя и радость о Христе?

Наверное, прежде всего надо понять, что мы не можем совершенно перестать грешить. Если бы иначе, мы не нуждались бы в Спасителе. Но и крайне опасно думать, что можно жить как угодно, а Христос все сделает за нас. Да, я знаю, что я грешник – из опыта своих ошибок и неудач. Но я знаю, что я и святой – ведь такими словами обращается ко мне Евангелие и Церковь во время литургии. Святой не в смысле совершенный, но вступивший в семью спасаемых детей Божиих, член Тела Христова. Есть заповеди, от исполнения которых христиан никто не освобождал. И есть радость Благой Вести – Иисус Христос пришел, чтобы покрыть наши грехи и даровать нам прощение и жизнь вечную. Однако, чтобы принять этот дар, подарок, надо захотеть его, и не словами только, а всем усилием жизни – жизни по правде Христовой. И тогда участие в воскресной Евхаристии будет вновь и вновь переживаться как праздник – пир, наполненный радостью Царства Божия».

Протоиерей Андрей Дудченко

из «Вера святых грешников»